

«Мне хочется быть лектором истории»

К. Е. Новохатский,
историк

Вадим Васильевич Пассек. Казалось бы, время и потомки постарались сделать все, чтобы отодвинуть это имя в темный угол истории. Могила его на кладбище Симонова монастыря снесена в 30-е гг. при расширении ЗИЛа. Находившиеся неподалеку останки Д. В. Веневитинова были перенесены на Новодевичье кладбище; имя Пассека ничем не отозвалось тогда в душе москвичей. Усадьба в с. Спасском на Харьковщине, где прошли его наиболее плодотворные годы, оказалась на дне построенного в 60-е гг. Печенежского водохранилища. Редки и разбросаны по немногочисленным специальным библиотекам его опубликованные работы. Неизвестна судьба большинства рукописей, собранных им материалов.

Тем яснее наш долг собрать и сохранить разрозненные и порой противоречивые сведения об этом разносторонне даровитом ученом и удивительно цельной личности, благородству характера которой отдавали дань уважения многие известные современники.

В. В. Пассек родился 20 июня 1808 г. в Тобольске в семье ссыльного поселенца дворянина Василия Васильевича Пассека, арестованного в 1794 г. по обвинению в участии в антиправительственном обществе и сочинении «порочащих императрицу акrostихов». Оправданный в тот раз, он вновь был заключен под стражу в 1802 г., теперь уже обвиненный в написании подложного письма якобы от имени князя П. М. Волконского одному из потомков молдавских и валахских владетелей, душевнобольному князю Дмитрию Кантемиру, где последнему были обещаны права на греческий престол, на Молдавию и Валахию. Сенат определил сослать Пассека в Сибирь на поселение, «лишив знака отличия, чинов и дворянского достоинства».

Василий Пассек обладал разносторонними и широкими, по тогдашним понятиям, познаниями. Существует мнение, что он разделял взгляды Радищева. Во всяком случае уже в конце XVIII в. он предлагал для крестьян «средство освободиться от подданства помещичьего».

Образованием Вадима Пассека занимался сам отец. Влияние взглядов и занятий отца, изучавшего в Тобольске климат края, лекарственные растения, минералы, суровая природа Сибири, развалины древней столицы Сибирского ханства рядом с Тобольском — все это, видимо, сильно повлияло на воображение и направление взглядов впечатлительного юноши. Позже он вспоминал: «Мне хотелось постигнуть тайны природы. Я ненасытно вслушивался в сказания о веках минувших... Ермак был первым героем моих мечтаний». Тогда уже он пристрастился к систематиче-

ским разысканиям, как сейчас принято говорить, краеведческого характера.

В 1824 г. после двадцатилетней ссылки Пассекам было разрешено покинуть Сибирь. В семье к этому времени было семнадцать детей, и девять из них моложе Вадима. Поэтому сразу же после возвращения в Москву шестнадцатилетний юноша вынужден был пойти на службу. И очевидно, только решение старшего брата Евгения взять все заботы о семье на себя дало возможность Вадиму продолжить образование. В 1826 г. он поступил на эфико-политическое (юридическое) отделение философского факультета Московского университета.

Атмосфера университета, ставшего после восстания декабристов «средоточием русского образования», укрепила рости интереса к прошлому. В это время он публикует итог первых своих еще отроческих наблюдений — «Замечания о Сибири». Построение этой статьи, тщательность и разносторонность наблюдений характерны и для последующих его работ подобного рода. Недаром специалистами уже в наше время она отнесена «к числу лучших очерков в области русско-сибирской этнографии». Тяга к прошлому, литературные занятия сблизили студента Пассека с 26-летним профессором всеобщей истории М. П. Погодиным, который довольно плодотворно занимался древней русской историей и писал повесть «из русской престоной жизни».

Но самое значительное, что дали студенческие годы, — это дружба с юным Александром Герценом, пришедшим в университет двумя годами позднее. Обостренное чувство общественного долга, неуемная жажда познания и деятельности, склонность к литературным занятиям и, с другой стороны, нежелание разделить грозившую ему участь титулярного советника привлекли Вадима к кругу ищущей, даровитой университетской молодежи, стремившейся осуществить в жизни столь близкие ему «нравственно-общественные идеалы». Душой этого кружка был Герцен. Члены герценовского кружка в свою очередь нашли в характере Вадима многое, импонировавшее им: самобытность развития, «лучший закал», смелость суждений и поступков, сочетавшиеся с благородством, простодушием и искренностью. Во время известной московской холеры 1830 г. он, «несмотря на то, что юрист, один из первых предложил себя в распоряжение холерного комитета» и даже делал на себе опыты заразности болезни. Кроме того, в глазах Герцена, пытавшегося организовать «общество по образу и подобию декабристов», Вадим был жертвой царизма и, значит, наиболее подходящим для «обращения». Именно в это время Герцен писал Огареву: «Ты, Ва-

Интерьер
дома-музея
А. И. Герцена
в Москве

Портрет
В. В. Пассека из
собрания дома-
музея
А. И. Герцена
в Москве

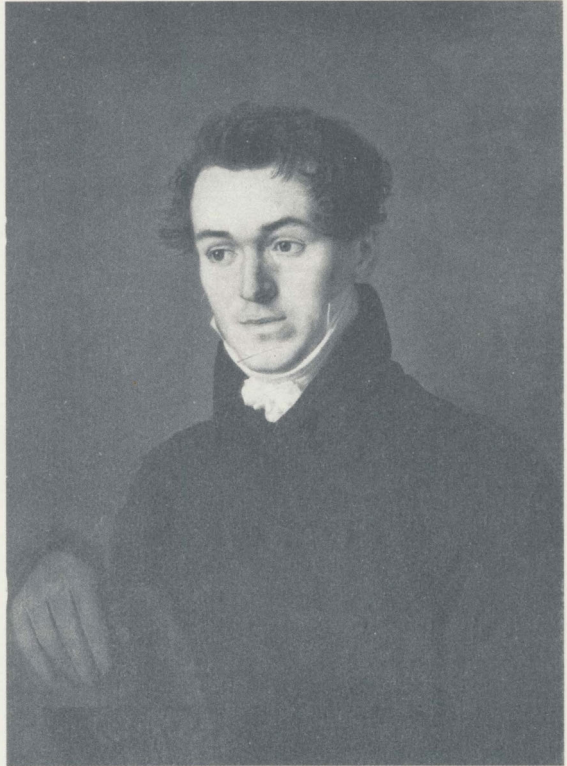
дим и я — мы составляем одно целое, будем же жить чисто умственную жизнь; науки (ты понимаешь, что я говорю в обширном смысле), науки пусть займут всю жизнь»². Говоря о науках «в обширном смысле», А. И. Герцен имел в виду в первую очередь «политические науки». Однако Вадим избрал иное поприще для служения общественному благу — занятия историей. И прежде всего пропаганду исторических знаний.

Заметным событием в дальнейшем формировании его взглядов стала поездка в 1832 г. на Украину, где в Харьковской губернии находилось семейное имение Пассеков. При всей нечеткости в характеристике наблюдаемых явлений и откровенно идеалистических воззрениях будущего ученого в его письмах родным привлекают внимание обширность замыслов и патриотическая направленность историко-этнографических интересов, столь свойственные его последующей деятельности. Характерно также проявление внимания к археологии, еще не выделившейся тогда в самостоятельную научную дисциплину. Впечатления, полученные во время этой поездки, зародили идею издания «введения в историю», превратившегося под воздействием товарищей по кружку в научно-художественный «Альманах», к сотрудничеству в котором привлекались помимо кружковцев А. И. Герцена, Н. П. Огарева, А. Н. Савича, Н. М. Сатина также М. П. Погодин, М. А. Максимович, Н. Ф. Павлов, Н. С. Теплова. Попытка издания этого столь разношерстного сборника оказалась неудачной.

Волновали его мысли о прошлом, о предназначении истории и историка В. В. Пассек излагает в произведении распространенного в то время жанра, в виде путевых записок. Идеи самобытности русского национального духа, сформулированные в вышедших вскоре «Путевых записках Вадима»³ и предвзвешивавшие в некотором отношении славянофильские оценки, существенно расходились с воззрениями Герцена и его окружения. Но уже в этой своей работе В. В. Пассек выдвинул на первый план изучение прошедшей жизни народа как основного элемента истории и обосновал необходимость изучения для этого всех исторических источников в комплексе и в первую очередь вещественных, этнографических, фольклорных. «Да! одни летописи перескажут, объяснят нам жизнь народа,— писал он,— но их слово не будет живо, их мысль не будет полна и светла, не будет согрета чувством, доколе мы не призовем на помощь всех памятников древности (которые у нас должно исследовать не столько в смысле их наружного вида, сколько в понятии, в идее, по которой они созидались), доколе не исследуем минувшей жизни народа в быте и характере живущих поколений и влияния на него внешней природы». «И тот не понимает истории народа, кто не объемлет умом, не сочувствует сердцем малейших движений его внутренней жизни, кто не видит, как живет прошедшее в настоящем, кто думает воссоздать жизнь по одним летописям или остаткам искусства, и в настоящем быте не видит основных начал, по которым действовало минувшее и станет действовать грядущее»⁴.

Одновременно продолжают хлопоты о месте преподавателя в университете. «Мне хочется,— пишет он братьям,— быть лектором

истории. Смертная охота»⁵. Упустив такую возможность в Москве из-за необходимости поправить тяжелое материальное положение семьи устройством дел по харьковскому имению, В. В. Пассек договаривается о том же в Харьковском университете. К сожалению, этой мечте его не суждено было осуществиться. Хотя В. В. Пассек никогда не разделял далеко идущих политических намерений друзей и, в 1833 г. по многу месяцев живя вне Москвы, фактически утратил в то время с ними связи, разгром герценовского кружка в 1834 г. отразился и на его судьбе. К преподаванию он допущен не был. А. И. Герцен,

сосланный в Вятку, так метко определил тогдашнюю ситуацию: «Вадим остался без места, т.е. без хлеба — вот его Вятка»⁶.

Вынужденный поселиться с семьей на Харьковщине (в 1832 г. он женится на «корчевской кузине» А. Герцена Т. П. Кучинкой), молодой ученый не изменил отношения к истории. Он целиком посвящает себя претворению намеченной в «Записках» программы изучения народной жизни. Беспрепятно путешествуя по Украине, В. В. Пассек «записывал поверья, сказки, песни, срисовывал виды, земледельческие орудия, домашнюю утварь, одежду, бывал на празднествах и сельских ярмарках, так любимых малороссами»⁷. С 1836 г. к этому добавились статистические исследования по поручению Министерства внутренних дел, куда он был зачислен внештатным чиновником по особым поручениям.

Интерес к прошлому украинского народа и его современному быту сближает В. В. Пассека с молодым адъютантом Харьковского университета, впоследствии известным академи-

ком И. И. Срезневским, уже прославившимся в то время изданием фольклорно-этнографического сборника «Запорожская старина». Как вспоминала Т. П. Пассек, они «проводили целые часы в разговоре о предметах своих занятий, делились впечатлениями, целями и приобретенными ими сведениями».

Среди материалов и находок, доставленных В. В. Пассеком ОИДР, описания отдельных курганов и городищ, монеты, степные каменные «бабы», кувшины, которые, по его мнению, не менее драгоценны для ученого Общества, как и золото. Любопытно замечание известного ученого-археолога П. И. Кеппена, к которому Общество обратилось с просьбой «снабдить советами молодого путешественника»: «Он, конечно, и без посторонних советов порядочно исполнит делаемое ему поручение».

Далеко опережая многих современников в понимании задач и методики археологии, В. В. Пассек привлекал и летописные, и топонимические, и фольклорные материалы, придавал значение влиянию географических условий на внешний вид памятников, поднимал вопрос о взаимосвязи различных археологических памятников. Понимая разновременность и разнотипность курганов, путем сравнения пытался сделать заключения об этнической принадлежности, религиозных воззрениях, быте, связях народов, насыпавших курганы.

Тогда же В. В. Пассек, еще юношей мечтавший «завлекать в знание» и близко знакомый с зачинателями русских исторических романа и повести А. Ф. Вельтманом, М. Н. Загоскиным, И. И. Лажечниковым, М. П. Погодиным, задумывает издание журнала повестей для юношества. Но, видимо, во время бесед с И. И. Срезневским эта идея к осени 1836 г. преобразовалась в более широкий замысел научно-популярного периодического издания книжного типа, доступного всей читающей публике. Свое издание В. В. Пассек назвал «Очерки России». Одна из предпосылок их возникновения — накопление в результате систематических исследований обширных материалов по истории, этнографии, археологии, географии. Другая, более существенная предпосылка — потребность русской историографии в «век исторический», по выражению В. Г. Белинского, в подобного рода издании. Кстати, сходные процессы в те же годы происходили и в Англии, Германии, Франции, других странах. В Трудах Американского антикварного общества в 1836 г. был опубликован «Краткий обзор индейских племен... в Северной Америке» Э. Галатина. В России это привело в дальнейшем к появлению сводов былин Рыбникова, песен П. Киреевского, сказок Афанасьева, словаря Даля. Примечательно, что даже «патриот николаевского режима» Ф. В. Булгарин, ощущая эту потребность, в том же 1836 г. предпринял издание «ручной книги» «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях», в которой все сводил к тезису: «Только вера и самодержавие могут составлять славу, благоденствие и могущество России!»

В. В. Пассек же в недавно лишь обнаруженной программе «Очерков России», с гордостью говоря о культурном и природном достоянии отечества, так определял цель своего издания: «При таком богатстве природы и значительном количестве преданий, поверий, обычаев, различных памятников, уцелевших от народов иноплеменных и перешедших собственнo от наших предков, невольнo рождается мысль в пользу (периодического) издания, которое бы, вмещая в себе и описания и картины всего отечественного, вместе с зна-

ОЧЕРКИ РОССИИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

Вид.мо.мъ Пассеко.мъ.

КНИГА III

КНИГА IV.

МОСКВА

въ типографіи Н. Степанова.

1840.

Титульный лист
издания
В. В. Пассека
«Очерки
России»

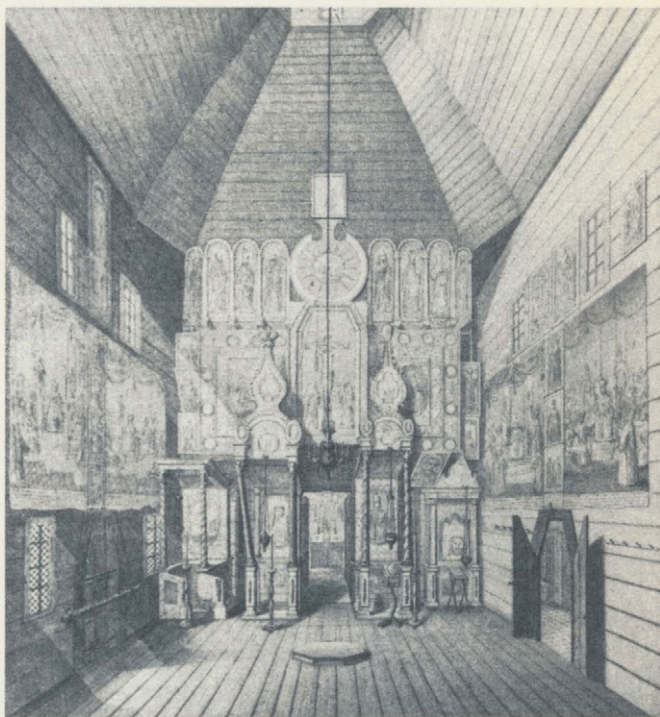
В это же время В. В. Пассек с пафосом и одержимостью отдается археологическим раскопкам, едва ли не первый предложив ученому миру план комплексного исследования археологических памятников «по всему пространству России от Дуная до Забайкалья». Убежденный, что своими занятиями открывает «новый путь для исторических исследований и летописи», он писал Обществу истории и древностей российских: «От Общества будет зависеть судьба курганов и городищ: речете — и отверзнутся их недра от Дуная до Байкала! И, может быть, удастся русскому и в этом случае сказать много нового и важного для науки». По поручению ОИДР он составляет описание археологических памятников Харьковского, Валковского и Полтавского уез-

нием вливало в сердца русских еще большую любовь к нашей великой Родине; которое бы в живых, еще существующих предметах показывая давно минувшие века, привязывало русского к его прошедшему, — без чего он не может истинно любить своего отечества, не может и радоваться его прекрасной будущей судьбе. Для кого ничтожно минувшее и не лестно будущее, тот ничтожен и в душе и в жизни!»

Ежемесячные сборники должны были стать настоящей энциклопедией России. Подобного издания русская наука дотоле не знала. Поиск сотрудников, обработка материалов, заказы в типографиях. Но... забракованы литографии, нет денег, в Одессе, где начато издание, чума, карантин. Не удалось пристроить «Очерки» и в Харькове. И лишь два года спустя в Петербурге выходит в свет первый сборник. Трудности усугублялись и тем, что «официальная народность» не доверяла истинной. Не случайно М. П. Погодин отказался от участия в издании.

В последующие три года вышло еще четыре книги. О лице этого издания многое говорит перечень статей, очерков, заметок, написанных самим издателем. Это и «Положение гор в России», и «Киевпечерская обитель», и «Праздник Купалы», и «Осетинцы». Здесь же «Простонародные средства лечения» и «Простонародные румяна», а рядом «Границы южной России до нашествия татар» или «Пределы России» — всего 34 материала. В первых книгах преобладала южнорусская тематика, что определялось кругом знакомых в этот период и личными впечатлениями от продолжительных путешествий по Украине и Крыму. Содержание четвертого и пятого выпусков «Очерков» уже в большой степени отвечает их замыслу как общероссийского издания. Прогрессивное значение «Очерков России», соответствующих общественному интересу к истории, отмечается критикой.

Осенью 1839 г. В. В. Пассек возвращается в Москву. Приходит первое признание среди ученых, литераторов. Высоко оценив его археологические труды, Общество истории и древностей российских избирает его своим действительным членом. Журналы разных направлений приглашают в сотрудники. За статистическое описание Таврической губернии Министерство внутренних дел выдает награду. В начале 1841 г. В. В. Пассек становится

Литографии издания Вадима Пассека

Внутренность церкви Спаса Нерукотворного в Полтаве

Курган Петра Великого под Полтавой или Шведская могила

редактором «Прибавлений» (неофициальной части) к «Московским губернским ведомостям», а в 1842 г. назначается еще и управляющим делами Московского статистического комитета. Но бедность не отступает. Все средства идут на издание «Очерков». Не прекращается унизительная долговая зависимость от Погодина. Приходит осознание невозможности в одиночку без поддержки продолжать издание «Очерков».

Много сил отнимает должность редактора «Прибавлений», о которых Н. В. Гоголь незадолго перед тем писал: «...никогда еще не было примеру, чтоб крохотная литературная газета имела у нас какой-нибудь успех». Однако, взявшись за дело со свойственной ему самоотдачей, «пожертвовав всем и бросив все», новый редактор сумел добиться успеха. Не за счет увеселения публики (такой путь считал единственно возможным Гоголь), а придав «Прибавлениям» серьезный научно-просветительский характер. Обладая широкими знакомствами, В. В. Пассек сумел привлечь к газете многих московских журналистов и ученых. Там публиковали статьи по истории, географии, статистике А. Ф. Вельтман, Н. Д. Горчаков, Ф. Н. Глинка, М. Н. Макаров, А. П. Рославский, И. Г. Сенявин, И. М. Снегирев. Новое направление «Прибавлений» обратило на себя внимание ученой общности. На заседании ОИДР в начале 1842 г., где специально рассматривался вопрос о «Московских губернских ведомостях», им была дана высокая оценка.

Редактирование «Прибавлений», порученная министерством работа по описанию Московской губернии привлекают внимание В. В. Пассека к Москве. Он посвящает истории и современному состоянию города и губернии целый ряд статей в «Прибавлениях», а в 1842 г. издает «Московскую справочную книжку». «В ней всякая всячина,— так характеризует ее сам автор,— и где Кремль, и что Кремль, и где живет квартальный вашего квартала, и где какие монастыри по губернии, и сколько лошадей на станциях, и отчего завтра крестный ход...»

Воспаление легких, развившееся в «туберкулезную чахотку», в октябре 1842 г. обрывает жизнь ученого. Он умер на руках у А. И. Герцена. Позднее, посвятив другу юности в своих гениальных мемуарах наполненные теплым чувством страницы, Герцен писал: «После ссылки я его мельком встретил в Петербурге и нашел его очень изменившимся... Он был задумчив, изнурен и сухо смотрел вперед... тяжелая русская жизнь давила их (братьев Пассеков.— К.Н.), давила — пока продавала грудь»¹⁰. Обширные планы, намеченные в юношеском порыве, и начатые дела остались незавершенными, исследовательские способности не до конца определились, а научные и общественные взгляды находились в процессе становления.

Обращает внимание на себя прежде всего разносторонняя даровитость Пассека. Его с полным правом можно включать в когорту ученых, стоявших у истоков таких отраслей науки, как археология, этнография, фольклористика, сравнительное источниковедение, топонимика¹¹. Дошедшие до нас конкретные результаты его исследований заслуживают специального изучения; ждет осмысления вклад его в научную журналистику. Хотя художе-

ственные произведения его пока не найдены в архивах, известно, что он писал повести, стихи; им самим сделан целый ряд иллюстраций к «Очеркам России».

Не следует впадать, конечно, в крайности переоценки значения деятельности ученого. Большинство его достижений затмилось последующими успехами науки, некоторые выводы отмечены чертами дилетантизма, а иногда и вовсе ошибочны, в общественных воззрениях обнаруживаются элементы консерватизма. Но для нас в деятельности Пассека важны скорее не крупицы фактов, которые он успел внести в сокровищницу знаний. Гораздо значительнее уснение его роли в становлении демократических традиций русской исторической науки.

Избавляясь в своих поисках от отвлеченно-романтических представлений, В. В. Пассек все более четко определял задачи своей деятельности — изучение прошлого и современного быта народа, возбуждение общественного интереса к истории, распространение исторических знаний, что тесно связано с прогрессивной идеей приобщения народа к познанию своего прошлого. Замечательной чертой этих его научных и просветительских занятий было внимание к истории, «силам умственным, чувствований и характера всех племен, разбросанных по всему пространству России». Интерес этот объективно являлся формой духовного противостояния тогдашней государственной власти.

И в то же время обаятельные качества ученого и человека, так привлекавшие к нему современников, даже находившихся по разные стороны идейных баррикад: высокоразвитые чувства патриотизма и общественного долга, подкупающее искренний интерес к великому прошлому Родины, одержимость в научных поисках, скромность и бескорыстие в служении науке — сами по себе уже становятся факторами истории культуры.

Человек, отдавший жизнь истории, не уходит из нее бесследно. Остались бессмертные страницы герценовских «Былого и дум» о «семействе львенок» и не раз переиздававшиеся мемуары жены. Остались, хоть и редкие сейчас, опубликованные работы, которые многое могут сказать вдумчивому читателю. Возможно где-то отыщется и рукописи. А главное — сохранили в последующем значение основные научные и нравственные принципы, исповедовавшиеся В. В. Пассеком.

¹ Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958.

² Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. (далее Герцен). Т. XXI. С. 20.

³ Пассек В. В. Путевые записки Вадима*. М., 1834.

⁴ Там же. С. 49—50, 167.

⁵ ЦГИА УССР в г. Киев, ф. 1631, оп. 1, ед. хр. 617.

⁶ Герцен. Т. VIII. С. 141.

⁷ Пассек Т. П. Из дальних лет: Воспоминания. Т. 2. М., 1963. С. 228.

⁸ ГБЛ, ф. 231 М. П. Погодина, р. 14, п. 23, ед. 77.

⁹ Фильмонов С. В. Записка В. В. Пассека о программе издания «Очерков России» // Археологический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 414.

¹⁰ Герцен. Т. VIII. С. 140, 142.

¹¹ См.: Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961; Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966; Азадовский М. К. Указ. соч.; Литературу и обзор архивных материалов о В. В. Пассеке см.: Новохатский К. Е. Историк В. В. Пассек // Вспр. историографии в высшей школе. Смоленск, 1975. С. 281—287; Новохатский К. Е. Архивные материалы о жизни и творчестве В. В. Пассека // Археологический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 277—287.